

Рулёва, А.С. Александр Яшин: Личность. Поэт. Прозаик: монография / А.С. Рулёва. – Ленинград: Художественная литература, 1980. – 200 с.

Солоухин, В.А. Дорогой совести к правде... / В.А. Солоухин // Яшин А.Я. Земли: повести, рассказы из дневника. – М., 1989. – С. 3–10.

Суран, Т.И. Языковая личность автора и персонажа художественной прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Суран Т.И. – Одесса, 1994. – 17 с.

Е.П. Андреева
ВоГУ, г. Вологда

ОБРАЗ ТИШИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.И. БЕЛОВА

Тихая моя родина, ты все так же не даешь
мне стареть и врачуешь душу своей зеленой
тишиной! Но будет ли предел тишине!

В.И. Белов. На родине.

По словам Р.А. Нелепина, «почти всякий большой прозаик в душе поэт, о Белове это можно сказать особенно уверенно. Проза его лирична и потому притягательна» [Нелепин 2002: 945]. Фоника произведений писателя доказывает справедливость этих слов: язык Белова отличается звуковой образностью, поэтичностью. В целом, как отмечают исследователи, для художественной системы В.И. Белова характерно поэтическое изображение крестьянского мира, его прозаические произведения пронизаны лирическими отступлениями.

Наблюдение над лингвистическими особенностями текстов В.И. Белова свидетельствует о его пристальном внимании к звукам окружающего мира, необычайно точном их восприятии, что обнаруживается уже в ранних произведениях писателя [Андреева: 2015]. Одной из характерных черт идиостиля В.И. Белова является использование слов из разных групп фоносферы, разнообразие и богатство этой лексики. Вот утром звенят на Бобришном угоре птичьих голоса: *«Радостно и отрешенно пели вокруг птицы. Прямо за домом раскатисто, многоколенно журчало горло дрозда-дебрябы, тут и там застенчиво и озорно цвилькали синички, свистели над рекой стремительные зуйки. И где-то вдали, но ясно и чисто куковала кукушка. Ее голос был печален и светел, а ритм кукования был похож на биение сердца»* [Белов. Бобришный угор: 305]. Для каждого времени суток Белов находит точную звуковую доминанту. Так, в описании жаркого летнего дня отмечается *«повсюду нести хающий звон кулющих кузнечиков»* [Белов. Целуются зори: 370]. Спускается на деревню белая ночь: *«Спокойно и от-*

решенно кричит дергач. а тут, в деревне, вздыхают в хлебах подоенные коровы» [Белов. Целуются зори: 370]. Все эти звуки кажутся родными, рождают в душе покой, постепенно им на смену приходит тишина: *«Лошади ржали в ночи, тоже понятно и ласково. Ласточка завозится в теплом гнезде над окном, почикает что-то сквозь сон. Либо вздохнет во дворе корова, и снова все тихо. Только дергач неумоимо сказывается за омутом. И так хорошо дома, на своей земле, понятной и близкой любой своей травинкой!»* [Белов. Целуются зори: 375].

Следует отметить, что такое детальное описание не является избыточным, оно художественно мотивировано, поскольку позволяет услышать музыку русской деревни, почувствовать, насколько тонко воспринимает ее не только писатель, но и его герои. Эти звуки для крестьянина становились родными с самого раннего детства. В повести «Привычное дело» полуторагодовалый сын Ивана Африкановича воспринимает окружающий мир через его звучание: *«Но Володьке хотелось, чтобы люлька качалась, чтобы оцеп скрипел, как обычно. <...> Он уже знал все звуки родимой избы. Особенно звук двери. У него замирало сердце от тоски, когда бабка с ведром выходила из избы и исчезала»* [Белов. Привычное дело: 27-28].

При всем изображаемом многоголосье крестьянской жизни особое значение в самых разных жанровом отношении произведениях В.И. Белова приобретает образ тишины. Согласно данным толковых словарей русского литературного языка, основное значение слова *тишина* – ‘отсутствие звуков, говора, шума, безмолвие, молчание’ [МАС IV: 369]. У Белова образ тишины оказывается гораздо сложнее в сравнении со словарными дефинициями. Само слово *тишина* обрастает семантическими приращениями, обладает своеобразной синтагматикой, контекстуальной коннотацией, нередко наблюдается синкретизм его лексико-семантических вариантов. Впрочем, далеко не просто показать, в чем проявляется это своеобразие. Вспомним слова самого писателя: *«Художественный образ неуловим, хотя и живет рядом с нами всегда и повсюду. Он тотчас исчезает, как только начинаешь его изучать и раскладывать на части, он же никогда не повторяет самого себя»* [Белов 1985: 296].

Образ тишины в прозаических произведениях В.И. Белова формируется за счет использования таких слов, как *тишина, тихий, тихо, затихнуть, притихнуть, стихнуть, утихомириться, безмолвие, безмолвствовать, безмолвный, безмолвно, бесшумный, бесшумно, покой, спать, засыпать, сон, дремать, дремотный*. Рамки статьи не позволяют описать употребление всех выделенных слов, поэтому обратимся прежде всего к наиболее частотному и концептуально значимому слову *тишина*. Преобладает положительная коннотация этого слова, поскольку тишина в произведениях

Белова ассоциируется с вечными ценностями крестьянского мира: гармонией, ладом, покоем.

Тишина для писателя – это прежде всего умиротворенное состояние русской природы, а также души человека, который чувствует неразрывную связь с родной природой. Тишина осознается Беловым как благодать, гармоническое состояние мироздания, о чем свидетельствует употребление слова с определениями *первозданная, первородная* [Белов. За тремя волоками: 122, 113]. Тишина несет умиротворение душе человека. Не случайно в произведении «Бобришный угор» (его жанр С.Ю. Баранов определяет как рассказ-исповедь) слово *тишина* сочетается с прилагательными *отраднa, счастливая* [Баранов 2007: 13]. Писатель готовит своих читателей к такому восприятию состояния природы: *Везде был отрадный, дремотный лес. Он засыпал, врачуя своим покоем наши смятенные души, он был с нами добр, широк, был понятен и неназойлив, от него веяло родиной и покоем, как веет покоем от твоей старой и мудрой матери. И мы соглашаемся с автором: Ах, тишина, как отраднa и нетревожна бывает она порой, как хорошо тогда жить. И это была как раз та счастливая тишина. Для Белова тишина не бывает полной, на ее фоне возникают почти неуловимые, еле слышные звуки: Хотя где-то неопределенные и по происхождению явно человеческие звуки выявляли окрестные деревни. Но это еще больше оттеняло главную мелодию нашего состояния. Мелодия же нашего состояния заключалась в том, что кругом нас и в нас самих жила отрадный, добрый, засыпающий лес, и жила июльская ночь, и была везде наша родина». [Белов. Бобришный угор: 302-303]. Эти рассуждения писателя заставляют нас вспомнить, что у основного значения слова *тишина* есть семантический оттенок ‘душевное спокойствие, умиротворение’ [МАС IV: 369].*

Состояние тишины делает более ярким восприятие окружающего мира. У Белова тишина живая, позволяющая, казалось бы, услышать само дыхание природы, обостряющая все ощущения человека, его обоняние, зрение, слух: *В жару сад безмолвствовал, только лопались и трещали стручки акаций, а в дождь там словно что-то посыпывало, и в тишине сильно пахло корнями* [Тезки: 172]. *В тишине снова громко треснул мороз* [Белов. Весна: 79]. *Сухой звон кузнечиков делал тишину еще осязаемей* [Белов. Кони: 135]. *Лодка продолжала двигаться, и в тишине капли с весла громко шлепали в озеро.* [Белов. В лесу: 34]. Интересно, что, описывая полное безмолвие, тишь, В.И. Белов избегает общерусских устойчивых оборотов *глубокая тишина, мертвая тишина, гробовая тишина*. Он использует авторское метафорическое сочетание *плотная тишина: Григорий Ермолаевич прислушался, не едет ли Борька, не урчит ли где машина. Но тишина стояла плотная* [Белов. Тиша да Гриша: 64].

Продолжим наблюдение за сочетаемостью слова *тишина*. Привлекают внимание такие словосочетания, как *зеленая тишина, лесная солнечная тишина*, в которых сливаются звуковые и зрительные ассоциации: *...врачуешь душу своей зеленой тишиной* [Белов. На родину: 19], *одни комары мешают великому счастью в лесной солнечной тишине* [Белов. Душа бессмертна: 317]. Это расширение лексической валентности у анализируемого слова возникает не случайно. В раннем рассказе Белова «Эхо» героиня Вера, увидевшая родимую деревню после долгой разлуки, испытывает сходное ощущение счастья: *все было зелено, и светло, и тихо; было тихо и солнечно* [Белов. Эхо: 104, 107]. Как видим, параллелизм природы и человеческой души, характерный для устного народного творчества, органично отражается и в поэтическом изображении мира в произведениях В.И. Белова. Однако состояние природы и чувства героев не всегда совпадают. Так, описывая первую любовь героини, смятенность ее чувств, писатель использует прием контраста, противопоставляя покой, безмятежную тишину уснувшей деревни сну девушки: *Спят деревни, спит холодная дымящаяся речка. Далеко в лесу призывно заржала лошадь, потерявшая из виду жеребенка, сонно пробарабанил в ответ ночной пастух. Тихо в деревне, но тишина эта не живет в девичьем сне*. [Белов. Люба-Любушка: 22].

Тишина русской деревни, родного дома создает у человека чувство защищенности, покоя, но стоит оказаться за определенной чертой, пространственной, временной, и тишина может стать враждебной, пугающей.

В рассказе «Иду домой» заблудившийся в лесу одиннадцатилетний мальчик испытывает чувство ужаса: *Деревья стояли недвижные, в безветренной тишине копилась сумерки. ... Надвигалась ночь, и было так страшно, так тоскливо и жутко*. Тишина становится чужой, опасной. Этот случай остался навсегда в памяти, как отмечает рассказчик, не потому, что грозил гибелью, а из-за чего-то совсем другого. Пережитое чувство животного страха вызвано опасностью оказаться навсегда отвергнутым от своего привычного мира, уйти дорогой, ведущей в никуда: *Мир повернулся вокруг себя*. [Белов. Иду домой: 183].

В определенном контексте у слова *тишина* за счет синтагматических связей наблюдается изменение коннотации. Так, в рассказе «Данные» писатель использует словосочетание *холодная тишина*. Измученный голодом, холодом и непосильным для его возраста трудом подросток Мишка Лаврухин перед Рождеством сбегает с лесозаготовок домой, в морозном лесу *застала Мишку врасплох великая картина полярного сияния! В холодной тишине над родимой деревней небо вдруг безмолвно разверзлось*». Это величественное зрелище враждебно: *в небесах словно полыхала в огне*

большая, домов на сто, деревня. Но горела она безмолвным пожаром, не было там ни грома, ни грохота. Пожар, гроза в произведениях Белова нередко имеют символическое значение грядущей катастрофы. У замерзшего подростка эта холодная тишина и полярные сполохи вызывают страх: *И как необъятно оно, это пространство, пересекаемое в обычную пору полночным Млечным Путем, как оно тревожно в пору полярных сполохов! Скорей домой!* [Белов. Данные: 240] Казалось бы, с возвращением домой, теплом родной избы, Рождественским сочельником заканчиваются все беды. Но завершается рассказ трагически: бумаги, «данные», которые подросток получает в сельсовете, оказываются извещением о гибели на фронте его отца.

Образ тишины возникает и в последней части рассказа «Скакал казак». Удаляется в осенние тихие сумерки обоз с хлебом для фронта: *Сумерки уже мutilи окрестные тихие леса. Вскоре скрип осей затих вдалеке.* Вынесенное в следующий отдельный абзац сочетание *тишина, темень* получает символическое значение. Ведь перед глазами читателя прошел целый день из жизни деревни в военное время. Цепь событий этого длинного дня была описана с документальной точностью, что придает особую трагичность повествованию: нищий, голодный быт колхозников, их тяжелый труд, постоянное недосыпание, физическое истощение, самодурство председателя сельисполкома. Но вопреки всему окончательный итог дня подводит бригадир Степан Гудков. «День прошел благополучно», — записывает он в своей заветной книге [Белов. Скакал казак: 213-214].

Во многих произведениях В.И. Белова образ тишины играет ключевую роль. При этом в рамках одного произведения он может трансформироваться. В самом начале рассказа «За тремя волоками» автор описывает первое ощущение главного героя от встречи с родной землей: *Необычная тишина утра и запах мокрой травы и деревьев поразили его <...>. Майор давно не знал такой тишины. Ему было странно и радостно. Привыкший к никогда не стихающему гулу двигателей, он словно дышал этой первородной тишиной.* [Белов. За тремя волоками: 113] В приведенном контексте у словосочетания *первородная тишина* актуализируются семы 'созданная', 'существовавшая ранее всего', 'девственная', 'сохранившая свое естественное состояние', 'нетронутая'. Образ тишины, неразрывно связанный с родной деревней, становится лейтмотивом этого рассказа. Долгая дорога ведет героя на родину, в деревню Каравайку, отгороженную от мира тремя волоками, но его не покидает ощущение тишины и солнца: *Даже запах бензина и масла машины не мог заглушить этого ровного лугового запаха, сложенного из ароматов желтого багульника, розового клевера, ромашки и сотен других трав, разморенных тишиной и солнцем.* Вот

первая вынужденная ночевка в пути, когда тишина помогает вспомнить давно забытые ощущения, связанные с детством, юностью: *Неизвестно откуда слышался усталый звон кузнечиков. Трава чуть увлажнилась, побелело туманом поле за домами. Тишина была первозданная, и майор, сидя на крыльце, вновь ощущал эту тишину, и это ощущение будило воспоминания.*

Наконец наступает развязка: сам путь кажется теперь не таким трудным, как в начале: *Травяная тропа выпрямилась, незаметно перешла в колесную дорогу, и он выбежал на косогор. Каравайки на косогоре не было. Вновь возникает образ тишины, но тональность его иная: Ночь пришла тихая до звона в ушах. <...> везде дремала густая трава, и в траве то там, то тут принимались звенеть кузнечики и сразу же затихали, словно боясь нарушить тишину.* Гибель родной деревни вызывает у героя щемящее чувство тоски, которое писатель передает скупой, лаконично и очень точно, используя звуковые образы и образ тишины: *Где-то за тремя волоками неслись поезда и свистели ракеты, а здесь была тишина, и майору казалось, что он слышит, как обрастают щетиной его напряженные скулы. <...> Никто не услышал, как на гулкий широкий лист лопуха, теряя свинцовую свою тяжесть, бухнулись две холодных слезы.* [Белов. За тремя волоками: 134].

Разрушенный мир русской деревни – этот мотив будет звучать и в других произведениях В.И. Белова. В рассказах писателя мы встречаем сочетание *тишина и безлюдье*, его значение осложняется контекстуальными эмотивными семами. Так, в рассказе «Гоголев» Белов описывает тихое раннее утро: *Большое малиновое полукружье обозначилось над сизым заречным лесом. Небо голубело с каждой минутой. Ветер нарождался за тихим, все еще спящим кустарником, но речной туман не спешил исчезать.* Но любоваться этой картиной некому: *Кругом тишина и безлюдье. Только дорога изредка рычала моторами да высокие холмистые берега хранили следы исчезнувших деревень: торчали кой-где то дом, то сарай, то рябиновый или тополёвый садик, а то и просто какие-то сбитые из еловых жердей полевые ворота.* Эта тишина не радует автора-повествователя, его мысли выражает герой рассказа: *Дураки, такие места побросали* [Белов. Гоголев: 183].

Проведенные наблюдения показывают сложный и неоднозначный характер образа тишины в произведениях В.И. Белова. Во многом продолжая традиции русской классической литературы и устного народного творчества, писатель наполняет этот образ новым содержанием. Можно выделить ряд мотивов, связанных с образом тишины: покой, гармония, лад, характеризующие крестьянский мир; спокойствие, тепло, уют родного дома; раз-

меренная традиционная жизнь; умиротворенное состояние природы; гармоническое состояние мироздания; безлюдье, темнота; опасность, враждебность.

Литература

Андреева, Е.П. Музыка русской деревни в повести В.И. Белова «Деревня Бердяйка» / Е.П. Андреева // Беловский сборник. Вып. 1 – Вологда: Легия, 2016. – 240 с.

Баранов, С.Ю. О рассказах Василия Белова / С.Ю. Баранов // Белов, В.И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – Вологда: Книжное наследие, 2007 – 320 с.

Белов, В.И. Лад: Очерки о народной эстетике / В.И. Белов. – Вологда: Северо-Западное кн. изд., 1985. – 302 с.

Белов, В.И. Бобришный угор / В.И. Белов // Белов, В.И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 320 с.

Белов, В.И. В лесу / В.И. Белов // Белов, В.И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 320 с.

Белов, В.И. Весна / В.И. Белов // Белов, В.И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 320 с.

Белов, В.И. Гоголев / В.И. Белов // Белов, В.И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 320 с.

Белов, В.И. Душа бессмертна / В.И. Белов // Белов, В.И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 320 с.

Белов, В.И. За тремя волоками / В.И. Белов // Белов, В.И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – Вологда: Книжное наследие, 2007 – 320 с.

Белов, В.И. Кони / В.И. Белов // Белов, В.И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 320 с.

Белов, В.И. Люба-Любушка / В.И. Белов // Белов, В.И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 320 с.

Белов, В.И. На родину / В.И. Белов // Белов, В.И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – Вологда: Книжное наследие, 2007 – 320 с.

Белов, В.И. Тезки / В.И. Белов // Белов, В.И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 320 с.

Белов, В.И. Эхо / В.И. Белов // Белов, В.И. Душа бессмертна: Книга рассказов. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 320 с.

Белов, В.И. Целуются зори / В.И. Белов // Белов, В.И. Избранные произведения: в 3 т. – М.: Современник, 1983. – 543 с. – Т. 2.

Белов, В.И. Привычное дело / В.И. Белов // Белов, В.И. Утром в субботу: Повести и рассказы. – Вологда: Северо-Западное кн. изд., 1976. – 277 с.

Нелепин, Р.А. Василий Белов и его трилогия о судьбах русского крестьянства / Р.А. Нелепин // Белов, В.И. Час шестый. Послесловие. – Вологда: Полиграфист, 2002. – 951 с.